

СКАЗКА

О НѢКОЕМЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ПОКОЙНОМЪ
МУЖИЧКѢ И О СЫНѢ ЕГО, ЕМЕЛѢ ДУРАЧКѢ.

ЛЮБЕЗНЫМЪ БРАТЬЯМЪ МОИМЪ НА
ЭТОМЪ СВѢТЪ И НА ТОМЪ,
КАРЛУ, ЛЬВУ и ПАВЛУ.

Везеть счастье безтолковое, везеть
хитрость пронырливая людская и всякая
кривая неправда, везеть часомъ и просто
дурь нагольная, глупость простоволосая! И
на что же, скажите, придумали люди умъ да
разумъ, и придираются, доискиваются
совѣсти, какъ бывало Соломонида, кума
моя, поскребышковъ изъ квашни порожней,
и докучаютъ и себѣ, и людямъ? По нашему:
день прошелъ, такъ и спать пошелъ; день
разсвѣль, — всталъ да поѣль; а кто
поспорить со мной, станеть поперечить,
тому скажу я сказку про нѣкоего
православнаго, покойнаго мужичка и про
сына его, про Емелю дурачка; а кума
придакнетъ, скажетъ: и вѣстимо, родимый,

отъ ума лишняго и чернокнижество родилось; а совѣстный, примолвить свать Демьянъ, и изъ-за сытнаго стола голодный встаетъ!

Стояла, на рѣкѣ судоходной, слобода; въ слободѣ той жиль стариkъ и при немъ три сына: двое умныхъ, а третій дуракъ. Умныхъ не станемъ мы называть по имени; умниковъ на бѣломъ свѣтѣ много, всѣхъ не докличешься, не дозовешься; а дурака звали Емелею, Емелею дуракомъ. Стариkъ умныхъ двухъ сыновей своихъ оженилъ, а Емелѣ наказалъ оставаться холостымъ, покуда развѣ не проглянетъ душою, не поумнѣеть. «Пусть будеть бѣда,» говориваль стариkъ: «не было бы грѣха, чтобы не было, чего доброго, его масти приплоду!» А когда наконецъ стариkъ totъ задумалъ умирать, то раздѣлилъ всѣ пожитки свои и скотину на двѣ равныя части, умнымъ сыновьямъ своимъ, и оставилъ, кромѣ того, всѣмъ тремъ, и Емелѣ то же, по сту рублевъ; а самъ, преставившись, вознесся душою въ вѣчность. Сыновья умные поплакали,

дуракъ голову почесаль, а потомъ похоронили они отца своего, съобща, честно и порядочно, со всѣми должностными обрядами.

Братья умники, потолковавъ между собою вдвоемъ, сказали дураку: — «Послушай, Емеля, отдай ты намъ деньги твои, сто рублевъ, мы пойдемъ съ братомъ въ городъ торговатъ; а когда, по благословенію въ Бозѣ почившаго отца и родителя нашего, приторгуемъ великие барыши, то купимъ тебѣ красный каftанъ, красную шапку и красные сапоги! А ты, тѣмъ часомъ, сиди дома, оставайся хозяиномъ, да слушайся невѣстокъ своихъ и дѣлай все, что они тебѣ велятъ!» —

Емеля, которому страхъ хотѣлось пройтись по слободѣ въ красномъ каftанѣ, красной шапкѣ и красныхъ сапогахъ, деньги отдалъ братьямъ, и охотно на все согласился. И такъ, братья поѣхали, а онъ остался съ невѣстками. Емеля весь Божій день лежалъ на полатяхъ, либо на печи, и только посуливъ ему луку, да толокна съ квасомъ — до чего онъ былъ страстный

охотникъ и ъдокъ за семерыхъ, — могли допроситься невѣстки, чтобъ онъ пособилъ имъ по хозяйству.

— «Поди, Емеля дурачокъ,» сказали они ему однажды: «принеси—ка воды!» А дѣло было зимою, и стужа православная! — «А вы что?» отвѣталъ Емеля. — «Какъ, что?» сказали невѣстки: «наше дѣло бабье; ты знаешь, что кошка съ бабой всегда въ избѣ, а мужикъ да собака завсегда на дворѣ; тебѣ не слѣдѣть въ избѣ, на печи, валяться! Видишь какой морозъ на дворѣ, тутъ не только бабѣ, и мужику впору выйти; а мы тебѣ луку да толокна съ квасомъ припасемъ; а если не пойдешь, такъ скажемъ мужьямъ нашимъ; они тебѣ тогда не спрятать ни красной шапки, ни краснаго кафана, ни красныхъ сапоговъ.» — Услышавъ такія лестныя и убѣдительныя рѣчи, слѣзъ Емеля съ печи, одѣлся, обулся, взялъ ведра, топоръ и пошелъ по воду. Пришедъ на рѣку, прорубилъ онъ пролубъ сажени въ двѣ и примѣряль топорищемъ по коромыслу, не тѣсно ли будетъ въ оба ведра воды

зачерпнуть? Наконецъ сладиль, воды набралъ, ведра поставилъ на ледъ и глядѣль, почесывая голову, въ полынью свою. Вдругъ въ ней всплыла большая щука. Щука въ полыньѣ, умному, въ руки не дается, а Емеля, съ дуру, засучилъ рукавъ, присѣль, запустиль руку въ полынью и — вытащилъ щуку! — «Начто ты меня поймаль?» спросила щука, когда Емеля сталъ сажать ее за пазуху. — «Какъ, начто!» отвѣчалъ Емеля: «отдамъ тебя невѣсткамъ, такъ онѣ сварять тебя, а я тихонько унесу да съѣмъ, да закушу толокномъ съ квасомъ, да лукомъ! Ты, чай, не знаешь, что у меня будетъ нынче лукъ и толокно?» — «Знаю,» отвѣчала щука: «а начто же тебѣ меня, когда у тебя будетъ и лукъ, и толокно?» — «Толокно толокномъ,» отвѣчалъ дуракъ: «и лукъ лукомъ, и квасъ квасомъ, а ты таки поди въ корчагу!» — «Пусти меня,» просилась щука: «я за это исполню всякое и любое твое желаніе!» — Это не худо, подумалъ дуракъ. — Да дѣло въ томъ: жиль—былъ мужикъ въ бѣдѣ крутой и посулилъ всѣмъ угодникамъ, по

обѣту, поставить по гривенной свѣчѣ — а когда выпутался обѣщанникъ нашъ, такъ говорить: не дамъ; подите, ищите на мнѣ! такъ и я отпущу тебя тогда, когда ты мнѣ сперва службу отслужишь, не прежде; когда рожь, тогда и мѣра! — «Положи же меня опять,» отзывалась щука: «на самый край полыни, чтобы я по крайней мѣрѣ могла доставать носомъ воду и въ жабры выпускать ее, а самъ поди на берегъ, оглянись на всѣ четыре стороны и, если увидишь галку бѣлохвостую, то подойди потихоньку и поймай ее такъ же искусно, какъ ты поймалъ меня; посади ее за пазуху и скажи: по щучьему велѣнию, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, бѣлохвостая, въ чертёнка двурогаго, чернохвостаго; а что дальше будетъ, самъ увидишь; но меня въ пролубъ посадить не позабудь; если же я усну на льду, такъ тебѣ худо будетъ!»

Емеля вышелъ на берегъ, оглянулся и увидѣлъ на землѣ чернилицу, въ которой стояло бѣлое перо и отъ вѣтра повертывалось. Земскій исправникъ,

пріѣхавшій въ слободу на слѣдствіе, по доносу, который быль имъ отысканъ и узнанъ въ печатномъ предсказаніи Мартына Задеки, гдѣ сказано, что въ Россіи скрываются еще великія сокровища, — Земскій исправникъ этотъ привезъ, для слѣдственного дѣла, изъ уѣзднаго города чернилицу, даль ее подержать писарю волостному, а тотъ, озnobивъ съ нею руки, поставилъ ее на снѣгъ, а самъ дуль въ кулаки и проминался. Емеля счель чернилицу съ бѣлымъ перомъ бѣлохвостою галкой; онъ сняль съ головы шапку, подкрадся къ птахѣ ползкомъ и благополучно ее накрыль. Не успѣль онъ вынуть чернилицу изъ—подъ шапки, ровно соловья изъ—подъ лучка, и вымолвить заклинаніе: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, бѣлохвостая, въ чертёнка двурогаго, чернохвостаго — какъ въ рукахъ у него зашевелилось и выползъ изъ чернилицы смуглый, рогатый, чернохвостый чертенокъ! Емеля дурачекъ поймаль его, какъ зайченка, за заднія лапки, и хохоталь, бока

надсадиль, кишки порвалъ, когда тотъ началъ хрюкать и визжать поросенкомъ, рваться и проситься на волю, къ земскому. — «Пусти меня,» говорилъ чертенокъ: «я тебѣ за это, чего ни пожелаешь, все сдѣлаю!» — «Врешь,» отвѣчалъ Емеля: «обманешь, въ лѣсъ уйдешь; сулилъ панъ шубу, да не далъ; а слово его и тепло, да не грѣть! Пойдемъ-ка вмѣстѣ на полынью, потолкуй тамъ съ кумой, со щукой; либо я тебя утоплю, а ее на берегъ закину, либо дадите напередъ что посулите!»

— «А что бы ты пожелалъ себѣ?» спросилъ чортъ: «проси съ меня службу троякую; пожелай въ три раза, чего хочешь!»

— «Напередъ,» сказалъ Емеля: «чтобы у меня всегда было въ волю луку, квасу и толокна; потомъ, чтобы всякая работа, къ какой меня невѣстки, или другой кто ни приставяеть, сама собою дѣлалась; а еще въ третьихъ.... а въ третьихъ, еще луку, квасу и толокна!»

— «Все это передъ тобою,» захрюкаль чертенокъ: «помни только заговоръ, который тебѣ скажу: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, будь то и то; и будетъ.» — «Попытаемся,» сказалъ Емеля. «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, луку, квасу и толокна!» Все явилось. «Ладно,» сказалъ онъ: «сыть; не хочу больше! Всегда ли такъ будетъ?» — «Всегда,» отвѣчалъ чертёнокъ. Емеля теперь отпустилъ чертенка на волю, посадилъ щуку въ пролубъ, сталъ передъ своими ведрами, которыя тѣмъ часомъ примерзли ко льду, такъ что онъ не могъ ихъ оторвать — «по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, подите, ведра, не расплескивая воды, на гору, да станьте въ избу, подъ лавкой!» Ведра пошли сами на гору, съ боку на бокъ, какъ фря какая, съ башмачка на башмачокъ, переваливаясь, коромысломъ долговязое плакалось на скороходовъ и чрезъ силу ихъ догоняло. Сосѣди, глядя на это, крайне удивлялись такому чуду: ведра

сами идуть, а Емеля нашъ вслѣдъ за ними, лукомъ заѣдаетъ, ихъ какъ утокъ передъ собою погоняетъ! Полныя ведра стали въ избѣ, на лавку, а Емеля нашъ взлѣзъ опять на печь. Но невѣстки не давали ему покою и говорили: «Ты бы, дуракъ, пошелъ да дровъ нарубиль.» — «А вы что?» спросилъ Емеля. — «Какъ, что?» отвѣчали тѣ: «женское ли это дѣло, дрова рубить! Теперь время холодное; не пойдешь, такъ ты же озябнешь, на холодной печи лежа! а краснаго кафтана, красной шапки и красныхъ сапоговъ и во снѣ не увидишь!» — Тогда Емеля, лежа на печи, тихо промолвилъ: «По щучьему велѣнию, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, поди, топоръ, наруби дровъ; а вы, дрова, сами въ избу ступайте, въ печь полѣзайте!» И отколѣ ни взялся топоръ, выскочилъ на дворъ, нарубиль дровъ охабку большую, а самъ пришелъ, да и легъ подъ лавку. Дрова въ избу ввалились и стали, полѣно чрезъ полѣно, съ полу да въ печь кидаться — а Емеля лежаль себѣ на печи, ъль лукъ, да толокномъ съ квасомъ прихлебывалъ!

— «Емеля,» сказали ему невѣстки: «дрова у насъ вышли всѣ; поѣзжай-ка ты въ лѣсъ, да привези; а не то такъ и не будетъ тебѣ краснаго кафтана!» — Емеля не сталъ на этотъ разъ и отиѣкиваться, а вздумавъ еще кстати подшутить надъ цѣлой слободой, слѣзъ онъ съ печи, одѣлся, обулся, вышелъ на дворъ, выташилъ изъ-подъ сарая дровни, навалилъ на нихъ луку и толокна, сѣль и велѣль невѣсткамъ растворить ворота по-ширѣ. Сани, по щучьему велѣнию, по земскому рѣшенью, понеслись слободою — да прямо въ лѣсъ, только подъ полозьями снѣгъ скрыпить! Но въ лѣсъ должно было ъхать черезъ городъ: народъ тамъ сбѣжался, на улицахъ давка, заторъ, всѣмъ хотѣлось поглядѣть на такое чудо, что ъдуть сани безъ лошадей, а оглобли завозжаны! Но дуракъ Емеля, не разумѣвъ, что должно кричать: пади! а съѣзжаясь съ другими санями: держи правѣй-ты! — передавиль въ томъ городѣ множество людей, конныхъ и пѣшихъ, и санныхъ. Доѣхавъ же до лѣсу, сказалъ онъ: «По щучьему велѣнию, по моему

прошенью, по земскому рѣшеню, поди, топоръ, наруби дровъ — да шевелись у меня! — А вы, дрова, въ вязанки вяжитесь, да на дровни ложитесь!» — Топоръ пошелъ долбить, съ березы на березу, какъ дятель; нарубилъ дровъ, навязалъ беремей съ десятокъ, навалилъ въ сани — дуракъ сѣль, лукомъ закусиль, и сани пошли чесать по мороженному какъ по писанному! Но въ городѣ, гдѣ онъ передавилъ народъ, его уже стерегли, кинулись и ухватились за него, стали тащить съ саней и бить. Тогда Емеля проговорилъ тихо, про себя: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, разсыпься одно беремя, которое побольше, на полѣнья, а вы, полѣнья, пострайтесь около этого затора, пересчитайте-ка всѣмъ имъ ребра, поломайте имъ головы!» — Не успѣлъ вымолвить Емеля заклинанія, какъ полѣнья выскочили изъ саней и пошли крестить по народу, по чемъ попало; трескотня, по лбамъ, по затылкамъ пошла такая, что небу жарко стало! А Емеля понукнуль оглобли: — «Эй вы, миленькия, аль вы

забыли, какъ прежде любили!» — Самъ тряхнуль возжами — оглобли помчали его, онъ пріѣхалъ въ слободу свою, во дворъ, въ избу, и полѣзъ на печь.

Вскорѣ весь тотъ край заговорилъ о Емелѣ дурачкѣ и о проказахъ его; народъ сходился и сбѣгался со всѣхъ концевъ на родину его, чтобы поглядѣть на этого чудодѣя, а онъ, и усомъ не ведеть! Лежа на печи, ъсть калачи, толокно съ квасомъ да лукъ, и знать никого не хочетъ!

Наконецъ вѣсть объ этомъ дошла и до Короля той страны; Король захотѣлъ непремѣнно увидѣть Емелю, послалъ одного чиновника своего, и приказалъ привезти его немедленно. Чиновникъ тотъ вскорѣ напалъ на слѣдъ, отыскалъ слободу, въ которой проживалъ Емеля дурачекъ, позвалъ старосту и велѣлъ привести дурака къ себѣ. Староста пошелъ, но воротился съ отвѣтомъ, что Емеля нейдетъ: ему дома, на печи, и сытно и тепло! Тогда чиновникъ тотъ созвалъ всѣхъ приспѣшниковъ своихъ, приказалъ подать себѣ всѣ уборные припасы и снаряды и лучшіе цвѣтные

наряды, и пошель самъ за Емелею. — «Слѣзай съ печи, дуракъ,» сказалъ онъ Емелѣ: «да одѣвайся.» — «А зачѣмъ?» спросилъ тотъ. — «Какъ зачѣмъ,» отвѣчалъ чиновникъ: «ты слышишь, дуракъ, что тебя требуетъ Король; я тебя повезу къ Королю!» — «А чего я тамъ не видаль?» опять спросилъ Емеля: «у меня луку да квасу съ толокномъ и здѣсь въ волю!» —

За такую дерзость чиновникъ удариль его по щекѣ; а Емеля, не маая рукавицъ, сдалъ его на руки помелу, и велѣль: по щучьему велѣнью, по своему прошенью, почистить ему галуны, нафабрить усы и вытолкать позагривку. Сказано, сдѣлано. Чиновникъ сѣль и поѣхалъ во свояси, и путемъ—дорогою быль, сказывають, послѣ Емелиной чистки,тише воды, ниже травы. Король отвѣту его весьма изумился и послалъ немедленно другаго, поменьше чиномъ, да поумнѣй аршиномъ, и велѣль какъ нибудь обмануть дурака и привезти его непремѣнно. Тотъ, пріѣхавъ въ слободу, позвалъ старосту, и велѣль привести къ себѣ людей, съ которыми Емеля дуракъ

живеть. Староста побѣжалъ, накинувъ зипунъ, и позвалъ невѣстокъ дурачка Емели. — «Что вашъ дуракъ любить?» спросилъ чиновникъ у нихъ: «и чѣмъ бы его съ печи сманить и въ столицу заманить?» — «Милостивый государь,» отвѣчали невѣстки: «дуракъ нашъ любиль когда-то толокно съ квасомъ, да лукъ; бывало, посулишь, такъ и въ огонь и въ воду готовъ — а нынѣ онъ разжился самъ на свою руку этимъ добромъ, сытъ по горло и по уши! Но дуракъ нашъ не терпитъ угрозъ, а любить, чтобы его просили до трехъ разъ, и посулили наконецъ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги; тогда уже вѣрно онъ сдѣлаетъ то, о чемъ его просять.»

— «Слѣзай съ печи, Емеля,» сталь уговаривать его новый посланецъ Королевскій. «Поѣдемъ въ городъ престольный!» — «А зачѣмъ?» спросилъ дуракъ: «чего я тамъ не видаль?» — «Будешь большимъ бариномъ,» отвѣчалъ посланецъ: «вельможею; развѣ ты не знаешь, что близъ Короля и живуть и

родятся все только баре да вельможи?» — «Близко родятся, да далече умираютъ,» отвѣчалъ дуракъ: «нѣть, мнѣ и здѣсь хорошо! А когда Королю твоему завидно, что я досыта доѣдаю, плотно досыпаю, такъ возьми, вотъ тебѣ, охабка луку зеленаго, да набери ему, пожалуй, толокна въ шапку, да и ступай!» — «Поѣдемъ, Емеля,» просилъ посланецъ Королевскій: «тебѣ Король сошеть красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги!» — И невѣстки стали также просить его и уговаривать. «Ну, когда такъ, такъ поѣдемъ,» отвѣчалъ Емеля. «Поѣзжай же ты у меня впередъ, очищай дорогу, а я тебя обгоню.» — Посланецъ спросилъ невѣстокъ, не обманеть ли его дуракъ? Но онъ ему отвѣчали: «что Емеля однажды скажетъ, то по глупости своей и сдѣлаетъ непременно.» Посланецъ сѣль и поѣхалъ; а Емеля наѣлся толокна съ лукомъ да съ квасомъ, выспался, а когда невѣстки его наконецъ разбудили, сказавъ ему, что уже пораѣхать, тогда онъ, не слѣзая съ печи, вымолвилъ: «По щучьему велѣнию, по

моему прошенью, по земскому рѣшенью, поѣзжай—ка ты печь во стольный градъ, да прямо къ Королю на дворъ!» — Изба затрещала, разступилась, печь затопленная поползла въ городъ престольный по гладкой зимней дорогѣ что по маслу! Емеля обогналъ дорогою посланца, и поспѣль къ Королю на дворъ: еще труба экипажа его дымилась и сало во щахъ не остыло!

Король и всѣ Бояре придворные, Стольники, Чашники, Окольничьи, Воеводы, крайне чуду сему изумились: имъ не случалось еще видѣть, чтобы кто разъѣзжалъ, лежа на печи! А дуракъ лежалъ, толокно хлебалъ, лукомъ закусывалъ, съ боку на бокъ повертывался, кряхтѣлъ, ни на кого не глядѣль!

Король подошелъ къ нему и спросилъ: — «Скажи—ка ты мнѣ, если самъ знаешь: кто ты таковъ, и къ кому ты пріѣхалъ?»

— «Я — Емеля дурачекъ, ъмъ съ квасомъ чесночекъ, а пріѣхалъ къ тебѣ, за краснымъ кафтаномъ, красною шапкой и

красными сапогами! Здравствуй Король!
Для чего же ты меня призвалъ?»

— «А для чего ты дуракъ?» спросиль
Король.

— «Не скажешь никому,» отвѣчаль
Емеля: «такъ я тебѣ, пожалуй, открою
душу свою, расскажу всю подноготную! Я
было, признаюсь, родился у отца да у
матери умницею, такъ меня бабка
подмѣнила — я подкидыши!»

— «Зачѣмъ ты народъ въ городѣ
передавиль?» спросиль его Король. — «Не
я давилъ — сани давили,» отвѣчаль дуракъ.
«Да кто же виновать, когда они стоять,
какъ лабазники на переторжкѣ — рты
разинувъ, глаза вылупивъ; ихъ дѣло
отступиться!....

Здравствуй,

подсолнечникъ!» продолжаль онъ,
повертываясь на брюхо и кивнувъ по-
пріятельски головою на одного кавалера. —
«Развѣ ты знаешь его?» спросиль
Король. — «Какъ не знать, я всѣхъ ихъ
знаю!» отвѣчаль дуракъ. «Это міряне,
родомъ дворяне; на шеѣ креста нѣть, а
табакерка серебряная! Вотъ этотъ, что

рожа съдымъ мохомъ поросла, это парень добрый: онъ съ нищаго суму сыметь, когда самому занадобится; послѣдній кушакъ на глаголь отдасть, а самъ по міру пойдетъ! они ребята дружные; да и не мудreno; клинъ плотнику товарищъ — а рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видить! А этотъ, что пригладился, припомадился, такъ что и кованый комаръ на лбу не удержится, надакался, да натакался, до того, что оскомину набиль — какъ ретивая кобыла сухимъ ячменемъ: это — наволока камчатная, да соломой набита! А ты что чужому смѣху смѣешься? Найди свой, немогузнайка, да и смѣйся! ты малый съ ногтемъ, черезъ волосъ посѣдѣль, а все прикидываешься олухомъ Царя небеснаго! Сѣдина въ бороду, а бѣсь въ ребро! Онъ воду мутить, да рыбу удить — будь плохъ, не подастъ и Богъ; ну да всего не переймешь, пріятель, что по рѣкѣ плыветь; оставь поудить и дѣткамъ своимъ! А тотъ, что шапкой подъ мышкой мозоли натёръ, съ виду простъ, ходить за тобой, какъ за лисою хвостъ, а самъ звѣремъ въ лѣсь

глядить, походя хвалится, что на зиму обуль тепло и своихъ и чужихъ, — онъ, правда, построилъ на нихъ варежки шерстяныя, да дырья—то въ нихъ нитяныя! Я бы его пожаловалъ за это изъ поповъ да въ діаконы! Ну, да онъ, правда, и чисто строчить, и концы хоронить; — у него рыбы нѣтъ, нѣтъ! а поглядишь — ушица есть!... Что? не любо? наморщились всѣ, словно голенища смазныя! — Да, поговорка моя не крупичатая: она ржаная, хлѣбная; ваше пузо отъ нее и пучить и дуеть! она — быль, не быль; а у были гостила, да и къ вамъ, на печи, въ задатокъ, погостить пріѣхала! Она, по напутному обычаю, со мною побраталась, и служить нынѣ у меня на печи заурядъ—хозяйкою; а старуха помолоть, охулы на свою руку не положить; баба съ печи летить, семьдесятъ семь думъ задумаетъ!»

Въ это время Емеля увидѣлъ стоящую въ окнѣ терема Королевскаго прекрасную дочь Короля, драгоцѣнную Махлаиду, и, подумавъ про себя вскользь, что, кабы, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, по

земскому рѣшенью, да влюбилась бы въ меня прекрасная Махлаида? А потомъ, понукнувъ тѣмъ же заговоромъ печь свою, отправился во свояси: пріѣхалъ не здоровался, поѣхалъ не простился! Изба родимая его разступилась, печь стала на свое мѣсто и Емеля опять принялся за работу; спить — съ него паръ валить, бока грѣеть, да лукъ съ толокномъ уписываетъ: только пищить, да за ушами трещитъ!

Но у Короля въ золоченыхъ теремахъ стало тою порой нездороно. Драгоцѣнная дочь его, Махлаида Королевна, встосковалась по Емелѣ, что по суженомъ; возьми, да подай — хоть роди, да подай!... Безъ ножа зарѣзаль! всплакался тогда отецъ Король, на Емелю дурака, и велѣлъ позвать къ себѣ того чиновника своего, который въ первый разъ безуспешно за Емелею ъздилъ. — «Ты въ моемъ цвѣтномъ кафтанѣ ходить, ходишь,» сказалъ онъ ему: «хлѣбъ—соль мою ъсть, ъшь; а службы моей служить не служишь — такъ, если не хочешь быть тамъ, гдѣ и самъ чортъ рѣдьки

не строгаль, такъ поѣзжай, да привези мнѣ Емелю дурачка во дворецъ!» —

Чиновникъ поѣхалъ, прибылъ въ ту слободу, гдѣ Емеля ему помеломъ усы нафабриль и пряжку почистиль, высыпалъ старостѣ мѣшокъ пятаковъ, и велѣлъ ему заготовить столь, звать Емелю къ себѣ и напоить его пьянымъ, до упаду, а потомъ укласть спать. Староста ослушаться чиновника того не посмѣлъ; по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ и исполнилъ все; а когда дуракъ уснулъ, то чиновникъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, уклалъ пьяного и соннаго въ сани свои и примчалъ во весь духъ въ престольный градъ и къ Королю во дворецъ. Король немедленно позвалъ къ себѣ одного заморскаго Нѣмца, искуснаго на всякия нечистыя издѣлія и чернокнижныя ремесла и художества, и повелѣлъ ему учинить немедленно такую замысловатую хитрость, чтобы пустить подъ облака закупоренную и засмоленную бочку, въ которой были засажены дочь Королевская и дурачекъ Емеля; ибо Король, за горячую и неприличную любовь

ихъ, изволилъ непомѣрно разгнѣваться. И Нѣмецъ тотъ, вынувъ изъ живой севрюги пузырь, вставилъ въ него соломенку, раздуль его въ три копны сѣна, изладиль и привязаль къ бочкѣ той, въ которой сидѣла дочь Королевская съ милымъ дружкомъ своимъ Емелею дуракомъ — и бочка снялась съ мѣста и пошла подъ облака, словно стрѣла пернатая!

Махлаида Королевна плакала горько и обнимала во тмѣ непроницаемой предметъ жаркой страсти своей — а дуракъ нашъ спаль, спаль, насилиу выспался и отвѣчалъ прекрасной Махлаидѣ Королевнѣ, которая заклинала и умоляла его всѣми святыми высвободить себя и ее изъ неволи темной: «мнѣ и здѣсь тепло; не хуже печи, да только голова болить съ похмѣлья!» Но Махлаида Королевна начала, весьма жалобнымъ напѣвомъ и слезами, изображать печальное положеніе свое и разжалобила чувствительного дурака до того, что онъ рѣшился пособить горю ея, чтобы только избавиться отъ этихъ нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсень; что скорѣе,

то лучше! — «И такъ» онъ тихо промолвилъ: «по щучьему велѣнью, по моему прошеню, по земскому рѣшенью, лети, бочка, за тридевять земель, въ государство тридесятое, на островъ пустынныи, среди моря—окіана, и сядь тамъ на лужокъ, какъ на кровлю снѣжокъ — а вы, клёпки, раздайтесь, разсыпьтесь; а ты, край чужой, гостей новыхъ принять и угостить изготовься; хлѣбъ—соль къ новоселью припасти позаботься!»

И бочка сѣла на луга шелковые, во цвѣты лазоревые; клепки разсыпались, и чета наша разгульная вступила во страну привольную; мало того что яствъ прѣсныхъ и пряныхъ, напитковъ сладкихъ и рьяныхъ, въ волю, но и чудесь разныхъ припасено и приспособлено ко всяkimъ нуждамъ и потребностямъ; стоитъ, напримѣръ, корова — золотые рога, на одномъ рогу баня, на другомъ котель — есть гдѣ помыться, попариться, на лбу промежъ роговъ выспаться! Но Махлаида Королевна стала просить неотступно возлюбленнаго дурака своего, чтобы онъ постарался и

потрудился отстроить ей жилище, подобное тѣмъ, каковыми пользуются люди въ земляхъ и странахъ нашихъ; ибо всѣ эти чудеса хороши для праздника — говорила она Емелѣ — а въ будни намъ здѣсь отъ причудъ и дѣваться некуда! «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшеню, станьте, палаты Венецейскія, бѣломраморныя, зеркальныя, золотыя, хрустальныя, среди острова нашего пустыннаго!» И палаты со всѣми причудами и барскими затѣями явились и стали. Но Махлаида Королевна, по той же пословицѣ, баба съ печи летить семдесять семь думъ задумаеть, начала теперь просить Емелю дурака, чтобы онъ потщился открыть сообщеніе съ матерою землею; ибо какъ ни весело ей было жить съ Емелею, но все она безъ людей скучала и не могла притомъ одолѣть желанія своего увидѣться съ дражайшимъ родителемъ своимъ и Королемъ. Емеля дуракъ построилъ немедленно по щучьему велѣнью, по своему прошенью, безъ чертежей на планъ, профиль и фасады, хрустальный мостъ, на

таковыхъ же сводахъ, украсиль каменьями самоцвѣтными и перилами жемчужными, и вывелъ другой конецъ его прямо подъ парадное крыльцо Короля, отца родителя прекрасной и драгоцѣнной Махлаиды, а самъ хотѣлъ было съ нею немедленно пуститься, по новому мосту своему, въ путь—дорогу — какъ вдругъ спохватился про себя, что всѣ люди, какъ люди, а онъ одинъ дуракъ; и что ему стыдно и совѣстно будетъ съ Королевскою дочерью въ люди показаться; а по завѣту покойнаго отца своего, нельзя даже на ней и жениться, доколѣ не сдѣлаешься умнымъ — а что уже теперь безъ свадьбы дѣло не обойдется, это, сказалъ Емеля про себя, и я своимъ умомъ смѣкну, и кукса по пальцамъ перечтеть! И такъ, пожелаю я еще разъ напослѣдяхъ, для себя ума палату, про свой обиходъ и про женину растрату, да и зарекусь, закаюсь, отъ щуки и отъ земскаго отчураюсь! По щучьему велѣнию, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, стань я умень, молодецъ какъ орель и удалъ какъ соколь! И сдѣлавшись немедленно умнымъ

и пригожимъ, раздумаль итти къ тестю своему и послалъ почетныхъ кавалеровъ, изъ числа дворни своей, пройти по новому мосту и звать Короля со свитою своею и челядью къ себѣ, на novoоткрытый островъ, въ novoотстроенный дворецъ Венецийскій, на богатый пиръ. Король посланію сему изъ новаго царства весьма удивился, а еще болѣе, когда узрѣль неслыханный, и почти баснословный мостъ, стоящій радугою самоцвѣтною, одною пятою на островѣ среди моря—окіана, другою пятою на парадномъ крыльцѣ замка его — и отправился въ назначенный часъ со свитою своею къ явленному, великоимениному, великодарованному царю—сосѣду своему, на пиръ.

Министры и Царедворцы Короля нашего, видя такое необыкновенное великолѣпіе, пышность и роскошное убранство, разсудили, что это долженъ быть непремѣнно Принцъ Лападійскій, поселившійся близъ царства ихъ на островѣ Вѣчнаго Веселія; и потому подходили къ

нему съ подобострастіемъ и колѣнопреклоненіемъ.

Послѣ пышнаго обѣда, Емеля умница спросилъ наконецъ Короля, не узнаетъ ли Его Величество въ немъ стараго знакомца? «Лице пріятельское — истинно пріятельское,» отвѣчалъ Король, «а узнать не могу!» — «Я тотъ самый молодецъ,» сказалъ тогда Емеля умница: «который пріѣзжалъ къ вамъ въ гости на печи.» —

Царедворцы при этомъ словѣ всѣ до того изумились, что у нихъ, у всѣхъ, рожи вытянулись по шестую пуговицу!

— «А вотъ это,» продолжалъ Емеля: «дочь ваша, прекрасная Махлаида, съ которою я намѣренъ прижить дочерей—бѣлоручекъ и сыновей—богатырей; а потому прошу покорнѣйше вашего Королевскаго отеческаго благословенія; а какъ народу изъ царства вашего перешло, за вами въ слѣдъ, по хрустальному мосту моему, весьма довольно, да притомъ и время для насъ дорого, то можемъ немедленно, избравъ, благословясь, посаженыхъ, приступить честнымъ пиркомъ да и къ

свадебкѣ; дѣвишника же, прошу на этотъ разъ не взыскать съ насъ, не прогнѣваться, у насъ не будетъ; а я, какъ сталъ нынѣ разумомъ поумнѣе, умомъ посмышленѣе, накажу будущимъ дочерямъ своимъ бѣлоручкамъ, чтобы онѣ потщились соблюсти построже всѣ повѣрья и обычаи земли нашей и безъ дѣвишника свадьбы не играли!»

Король съ радостю великою благословилъ молодыхъ, и хотѣль было уступить имъ Королевство свое и утвердить ихъ въ княженіи; но Емеля умница, снявъ шапку и отвѣшивъ одинъ поклонъ въ поясъ, другой въ полпояса, и замахнувшись еще на третій таковой же, отвѣчалъ: «Я двадцатый годъ на свѣтѣ бьюсь, перемаиваюсь и самъ съ собою не справлюсь; а я одинъ, и, кажись, самъ себѣ господинъ; такъ что жъ я стану дѣлать если ты на меня душъ, что волосъ на головѣ, навалишь? — И за какую благодать стану я съ ними возиться, какъ сытой пёсъ съ краюхой, чтобы мнѣ здѣсь не было ни радости ни отдыши, да еще посуили бы и тамъ, на томъ свѣтѣ, не

найти ни дна, ни покрышки? Нѣть, Ваше Величество, отецъ и батюшка и родитель нашъ, вспоминайте-ка лучше сами вы, царствуючи и здравствуючи о томъ, что было сказано вамъ мною, когда я былъ еще въ дуракахъ, о благолѣпныхъ и достохвальныхъ царедворцахъ вашихъ; пріосаньтесь, пріосмотритесь, а мнѣ дозвольте въ покоѣ жить да поживать совокупно со дочерью вашею, прекрасною драгоцѣнною Махлаидою; мы чета разгульная, земля наша привольная; покуда живы, сколько земли той въ горсть ни ухватимъ, сколько, походя, ступней ни накроемъ, вся наша, благопріобрѣтенная! А придетъ пора, что занадобится свой неизмѣнныи уголь, такъ найдется и родовое; отмежуешь по неволѣ; съ брюхомъ, съ ногами, и самъ Нѣмецъ твой многоискусный, никого на тотъ свѣтъ не подыметь!

«А пирушку задамъ я всѣмъ подданнымъ твоимъ такую, чтобы представить примѣрный приступъ и сраженіе; чтобы изъ пироговъ подовыхъ,

здобныхъ и слоеныхъ были выстроены твердыни неприступныя, обнесены раскатами изъ крутой каши масляной, опоясаны тремя рвами широкими; въ первомъ медъ, въ другомъ пиво, въ третьемъ вина Фряжскія, а когда народъ твой пойдетъ на приступъ, братъ твердыни мои съѣстныя, неприступныя, то пусть запасается зубами бычачими, неутомимыми, языкомъ и зубами хлѣбосольными, утробою бездонною; онъ повиненъ испить три потока широкіе, пивомъ, медомъ, виномъ Фряжскимъ по самый край переполненные; поѣсть раскаты изъ крутой каши масляной; и доберется онъ тогда до пироговъ здобныхъ, слоеныхъ и подовыхъ, до луку, толокна и до квасу! А когда все сіе устроится и учредится, о томъ будетъ по всему царству твоему пущено отъ меня особенное повелѣніе и объявленіе! Въ ожиданіи чего и пишемъ:

«СЕЙ
РУССКОЙ ПОЛНОЙ СКАЗКѦ
КОНЕЦЪ.»

— «Погоди!» закричалъ Емеля: «не пиши конецъ, безъ хвоста не родится и огурецъ. Вѣдь у меня никакъ братья были, двое! да еще и умники оба; гдѣ же они? позвать ихъ сюда!»

— «А братья твои,» отвѣталъ посланецъ по учиненной справкѣ, «разжились было съ трехъ сотъ на три тысячи, да чужое добро въ прокъ не пошло. Какъ только разжились, такъ и не стали ладить промежъ собою, и раздѣлились. Одинъ вскорѣ позамотался, а другой накопилъ денегъ кучу. Одинъ сталъ пить съ горя, другой съ радости; оба запоемъ. Первый, горемычный, преставился въ одной рубашонкѣ, въ кабачишкѣ, подъ стойкою; другой, разгульный, Богу душу отдалъ въ губернскомъ городѣ, примѣромъ сказать въ Ярославлѣ, въ знаменитой растараціи Росславовой, когда воротился, о святкахъ, въ тонкомъ синемъ кафтанѣ, изъ—подъ качелей, отморозивъ себѣ ноги по колѣни и руки по самые локти!»

— «Ну, быть такъ,» сказалъ Емеля: «а кабы они волею Божіею, да скончались на

моихъ рукахъ, такъ я бы покойникамъ отдалъ послѣднюю честь, похоронилъ бы ихъ, умниковъ, въ красномъ кафтанѣ, въ красной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ!»

Ну, вотъ теперь, конецъ!

В. ДАЛЬ